

ЛЮБОВЬ НА ИЗЛЁТЕ ВЕКА

Ирина Донскова

Шипы и розы
герцогини Мальборо

Любовные драмы

Ирина Ивановна Донскова
Любовь на излете века. Шипы
и розы герцогини Мальборо
Серия «Любовные драмы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69172831

*И. И. Донскова. Любовь на излёте века. Шипы и розы герцогини
Мальборо: ООО «Издательство «Вече»; Москва; 2023*

ISBN 978-5-4484-3950-6

Аннотация

Эта книга о любви – к жизни, к прекрасному, любви между мужчиной и женщиной. О том, куда приводят мечты, и о том, что красота, ум и богатство не гарантируют безмятежное счастье. О человеческом «бале-маскараде» тщеславия и гордыни и о том, что богатые тоже плачут. О замках и дворцах, «скелетах в шкафу» и о Прекрасной эпохе с ее культом гурманства и эстетства.

Выйти замуж за герцога Мальборо было самой заветной мечтой Глэдис Дикон – красавицы американки с античным профилем и чарующими голубыми глазами, сводящими с ума великих и знаменитых. К своей цели она шла целых три десятилетия, однако манящее счастье оказалось миражом. Превратившись в отшельницу, она исчезла из светских хроник на

долгие годы, и только сфинксы с ее лицом во дворцовом парке
Бленхейма хранили семейные тайны...

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

От автора	6
Глава 1. В погоне за титулом. Долларовые принцессы и голубая кровь британской аристократии	15
Конец ознакомительного фрагмента.	61

**Ирина Донскова
Любовь на излёте
века. Шипы и розы
герцогини Мальборо**

© Донскова И. И., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

* * *

От автора

У каждого человека под покровом тайны, как под покровом ночи, проходит его настоящая, самая интересная жизнь; каждое личное существование держится на тайне.

А. П. Чехов

В мире нет ничего таинственного. Тайна – это наши глаза.

Элизабет Боуэн (1890–1973), английская писательница

Четверть века назад я, начинающий гид, впервые оказалась в старинном и величественном замке Уорвик в Оксфордшире, который ведёт своё начало от самого Вильгельма Завоевателя. Сколько раз за 10 веков здесь бряцало оружие и гремели рыцарские доспехи, пировали короли и королевы, бушевали любовные страсти. Бойницы, темницы и блистательные турниры, викторианский розовый сад и павилион променада идут здесь в комплекте с привидением – дух бывшего владельца Фулке Гревилла, заколотого собственным слугой, особенно часто навещает свою бывшую обитель.

Замок Уорвик в Оксфордшире

В 1978 году престарелый, но все ещё внушающий трепет Уорвик со всем своим содержимым был продан его последним владельцем корпорации Мадам Тюссо, которая, проведя реставрацию, превратила его в уникальную машину времени. В подвалах замка царит Средневековье – Ричард Невилл, граф Уорвик, собирается на решающую битву во время войны Алой и Белой розы. Парадные апартаменты застыли в помпезном XVIII веке. Зовывает гостей самая живая и элегантная из всех экспозиций – «Королевская Вечеринка 1898 года», которую хозяйка Уорвика, блистательная Фрэнсис Гревил, или Дейзи, как ее называли домашние, органи-

зовала для избранных – тех, кто был в знаменитом кружке «Мальборо» при принце Уэльском Берти (будущем короле Эдуарде VII). В аутентичных интерьерах замка оживают восковые фигуры гостей из прошлого – все скрупулёзно воссоздано по сохранившимся фотографиям. Переходя из комнаты в комнату, окунаешься в викторианскую атмосферу замка и знакомишься с его обитателями и гостями. И если дать волю воображению, то вполне реально перенестись в 25 июня 1898 года и побывать в гостях у 5-го графа и графини Уорвик вместе с принцем Берти, наследником престола. Для начала пройдем в Музыкальную гостиную, где слух гостей услаждает своим контральто знаменитая певица Клара Батт. Среди ее слушателей пожилая графиня Девонширская, а на диванчике за чайным столиком с аппетитными пирожными легендарная Дженни Рэндольф-Черчилль с ее экзотической красотой – матушка не менее легендарного Уинстона Черчилля, который тоже здесь, среди гостей вечеринки, но пока еще, в свои двадцать четыре года, невысокий и щуплый, с веснушками на бледном лице, не помышляет о той великой роли в истории, которую ему припасла судьба. Его американская матушка, на тот момент уже вдова сорока четырех лет, весьма благосклонно принимает комплименты молодого джентльмена, услужливо склонившегося над ней. Это майор Джордж Корнуоллис-Уэст, британский офицер шотландской гвардии и ровесник ее сына. Ему суждено будет стать ее вторым мужем и, хотя этот брак продлится немногим более де-

сяти лет, именно его Дженни назовет самым романтическим из трех своих замужеств.

В библиотеке замка Уорвик

В Курительной комнате играют в карты двое джентльменов – сын Берти, будущий король Георг V, кузен нашего Николая II, похожий на него как две капли воды, и Санни, как называют в близком кругу 9-го герцога Мальборо. Его жена, тоненькая и воздушная Консуэло Вандербильт, вес которой придавало лишь ее баснословное американское приданое, спасшее Мальборо от разорения, тоже в замке, в Китайской спальне, в кружевном розовом пеньюаре. Совсем недавно она стала герцогиней и матерью наследника. А в исторической спальне, обшитой резными дубовыми панелями, достойными будущего короля, слуга готовит напитки для принца Берти, частого гостя этого дома и сердечного друга Дейзи, и его собеседника лорда Керзона – на тот момент еще не вице-короля Индии и не министра иностранных дел, а его заместителя. Керзон, тогда еще счастливо женатый на красавице американке Мэри Лейтер – само воплощение перфекционизма – волосок к волоску, идеально сидящий костюм и цепкий взгляд холодных глаз.

Конечно же, когда в одном из наших маршрутов появился дворец Бленхейм – родовая резиденция Мальборо – я ликовала! Наконец-то увижу воочию то место, где жила романтическая Консуэло и надменный Санни, где «среди шумного бала» раньше срока родился Уинстон Черчилль – его глубоко беременная матушка слишком активно кружилась в танце.

Впрочем, взрослый Черчилль смотрел на это под другим углом, заявляя с хитрым прищуром, что в Бленхейме он принял два самых важных решения в своей жизни – родиться и жениться.

Дворец поразил размахом, величием и монументальностью. Со своей задачей – увековечить победу 1-го герцога Мальборо в битве при Бленхейме – архитектор справился блестяще, правда, о том, что это еще и семейный дом, он, по-видимому, не особо задумывался, потому под гулками каменными сводами вестибюля, в длинных комнатах со знаменами и сценами военных баталий на гобеленах чувствуешь себя, как в музее. Недаром Джон Ванбру изначально числился драматургом – творил, как будто создавал свой героический эпос в камне.

Глаза на портике Бленхеймского дворца

Колонны, портики, скульптуры – все строго, симметрично и маскулинно. Но, поднимаясь по ступенькам крыльца, вдруг чувствуешь на себе чей-то пристальный взгляд – с потолка портика смотрят 6 огромных глаз – три удивительно красивых голубых и три карих. Что это – неужели столь откровенная масонская символика? Или страстно влюбленный герцог решил увековечить таким образом глаза своей возлюбленной, ну и свои, за компанию? Правда оказалась немного прозаичнее, но все равно интригующая: эти глаза были написаны по инициативе Глэдис – эксцентричной второй жены 9-го герцога Мальборо. Снедаемая любопытством, ищу во дворце портрет этой загадочной Глэдис и обращаюсь за помощью к дворцовому gidу. Тот отвечает, что портрета нет, но есть два сфинкса в парке с ее лицом, а затем деликатно переводит разговор на другую тему. Все остальные вопросы о ней так и повисают в воздухе. И я понимаю, что имя этой экстравагантной герцогини – табу в Бленхейме.

И лишь спустя годы завеса над этой тайной приподнимается – из-под пера английского писателя и телеведущего Хьюго Вickers в свет выходит биография Глэдис Дикон – удивительная и трагическая история, которая, получив широкий резонанс, не сразу, но возвращает в Бленхейм одну из его самых экстраординарных хозяек.

Глава 1. В погоне за титулом. Долларовые принцессы и голубая кровь британской аристократии

*Я вышла бы замуж за старого лорда
С красивой седой головой,
С руками в перчатках, осанкою гордой,
И стала б примерной женой.
Сидела бы вечером я у камина,
Послушная, словно дитя,
И грустно смотрела, как два далматина
Друг с другом играют, шутя...*
Лада Костина, 2018

Веками заведенный порядок вещей, как известно, основа стабильности и незыблемости Британии. С незапамятных времен патриархи знатных семей Британии (большей частью выходцы из Нормандии) владели чаще всего вместе со всеми своими огромными угодьями, роскошными особняками, замками и дворцами, сдавая землю в аренду, что приносило стабильно высокий доход. Но вся эта отлаженная и комфортная система начала рушиться ближе к концу XIX века, когда начался серьезный упадок сельского хозяйства. С одной стороны, причиной были ужасающе скудные урожаи начиная с 1873 года и до конца декады. Одним из худших было лето

1879 года, за которым последовала суровая зима и наводнения – фермеры требовали снижения арендной платы, бросая свои наделы в полном отчаянии. Рабочая сила устремилась в большие города, где набирал обороты маховик индустриализации. Цены на зерно рухнули, не выдержав конкуренции с американскими производителями, – теперь пшеница и ячмень в изобилии колосились на местных прериях. Появились первые рефрижераторы, а это означало, что мясо можно было с легкостью доставлять из Северной и Южной Америки и Австралии. Сельское хозяйство в Англии и Шотландии превратилось в убыточное занятие. Аристократы – владельцы всех этих земель, привыкшие пожинать плоды трудов своих арендаторов, беспомощно наблюдали, как их поместья обростают долгами, а замки и огромные особняки превращаются в непосильную ношу для съездившегося бюджета. Зарабатывать на жизнь своим трудом в высших сферах было просто неприлично, да и практически сложно осуществимо – ни должного образования, ни семейного бизнеса, ибо торговля и аристократия были понятия несовместимые. Когда неоплаченные счета грозили превратить аристократа в банкрота, он начинал продавать фамильные ценности – в ход шли картины, ценные книги, ювелирные украшения. Но был и другой способ решения проблемы, который предложила все та же Америка – одна из виновниц их разорения – женитьба на американской невесте с приличным состоянием, ибо по другую сторону Атлантики проблемы имели зеркальный

характер. Там процветали и сельское хозяйство, и торговля, принося колоссальные доходы, но они не давали автоматического пропуска в высший свет Нью-Йорка, который поколениями управлялся потомками первых поселенцев – выходцами из Голландии и Англии. Те деньги, которые были у этих семей, считались «старым капиталом» и резко противопоставлялись «нуворишам», нажившим огромные состояния в конце XIX – начале XX века на торговых спекуляциях, железных дорогах, банковских операциях, чьи предприимчивые, амбициозные и энергичные жены готовы были не только соревноваться друг с другом в роскоши, но и отчаянно карабкаться по социальной лестнице, пытаясь заполучить доступ в «святая святых» – элитный круг Старого мира. И если их «новые деньги» в этом помочь им никак не могли, то в дело вступало более надежное оружие – их дочери, которых можно было выгодно пристроить за обедневших английских аристократов. Главным трофеем, конечно, считался герцог, ибо для матери новоявленной герцогини открывались все двери в общество американской элиты, но подходил и граф, и маркиз, и брат графа, и даже какой-нибудь видный британский политик, с прицелом на пост премьер-министра. Сезон охоты за титулами был открыт – на рубеже XX века американские жены изящно, эффектно и легко взяли штурмом Старый Свет. Английские джентльмены, начиная с принца Уэльского, один за другим становились жертвами их яркой привлекательности, на фоне которой казались

особенно блеклыми их потенциальные невесты-англичанки.

Одной из первых покорительниц Старого Света можно считать очаровательную Дженни Джером, дочь финансиста Леонарда Джерома – «короля Уолл-стрит», как его называли за огромное состояние, которое ему удалось сколотить. Вместе с Вандербильтом он основал американский жокей-клуб – лошади были его страстью. Его жена, Кларисса Холл, полностью разделяла экстравагантные вкусы мужа и любовь к роскоши. Они жили на широкую ногу в огромном особняке в престижном районе Нью-Йорка, а три их дочери, Клара, Леони и Дженни, известные как «хорошая, умная и прекрасная», были в первых рядах тех, кто взялся штурмовать высший британский свет. Все они вышли замуж за наследников древних аристократических родов Британии, владевших большими земельными наделами. «Хорошая» Клара вышла замуж за обаятельного авантюриста Мортона Фревена, англо-ирландского писателя и финансово некомпетентного предпринимателя, прославившегося своими безрассудными финансовыми и политическими схемами. В семье он заслужил прозвище «Смертельного краха», поскольку промотал два семейных состояния, прежде чем эмигрировал в американский Вайоминг во время бума скотоводства в 1870–1880-х годах. Женившись на американской наследнице, что существенно поправило его финансовое положение, он поселился на огромном ранчо в один миллион акров и занялся разведением скота – в его стаде было 45 000 голов,

и он утверждал, что каждого быка или буффало он знал поименно. Такое тесное знакомство со своими подопечными, однако, не обеспечило процветания его новому бизнесу, что вынудило Фревена вернуться в Соединенное Королевство, где он владел домами в Лондоне и Корке в Ирландии. Тем не менее, следуя своей авантюрной натуре, времени зря он не терял – занимал пост вице-президента Лиги Имперской Федерации, писал о тарифной реформе и даже избирался в парламент. Мортон и Клара стали родителями двух оставшихся в живых сыновей и дочери Клэр, в замужестве Шеридан, которая увлекалась скульптурой и, презрев все условности и опасности, отправилась в революционную Россию, чтобы работать над бюстами Ленина и Троцкого. Бенито Муссолини и Чарли Чаплин тоже были среди тех, кто позировал ей, чтобы увековечить себя для потомков. Британское правительство, однако, заподозрило, что она шпионка и интересуется не столько самим искусством, сколько своими знаменитыми моделями, что поставило ее кузена, Уинстона Черчилля, в довольно неловкое положение.

«Умной» Леони суждено было выйти замуж за Джона Лесли, наследника одного из крупнейших поместий в Ирландии, а заодно и титула баронета Гласлоу. Роскошный замок Лесли в самом сердце острова, на границе Северной и Южной Ирландии, стал ее новым домом.

Но ярче всех зажглась звезда третьей сестры, «прекрасной» Дженни, о которой с восторгом писала в своих мемуа-

рах Мария, королева Румынии: «Она обладала ослепительной красотой, ее скорее можно было принять за итальянку или испанку. Глаза ее были большими и темными, изгиб губ был изысканным и почти озорным, волосы – иссиня-черными и блестящими, в ней было что-то креольское. Она была оживленной и много смеялась, показывая белоснежные зубы и всегда выглядела счастливой и довольной жизнью». Впрочем, Дженни была не только прекрасна, но еще и умна, харизматична и амбициозна. Именно она задала тренд на браки «долларовых принцесс» – в 1874 году вышла замуж за сэра Рэндольфа Черчилля, среднего сына 8-го герцога Мальборо, и подарила Британии ее будущего министра – Уинстона Черчилля.

Сестры Джером – Клара, Леони и Дженни в молодости

Сестры были дружны между собой, и Дженни была частой гостьей в ирландском замке Лесли, где до сих пор на камине и на изящных столиках в уютной гостиной можно увидеть ее фотографии. Там же – как величайший раритет – хранится и крестильная рубашка Уинстона Черчилля, неоднократно навещавшего в Лесли свою тетушку. Увидеть ее может каждый гость этого сказочного викторианского замка из серого камня, затерянного среди холмов малоизвестного графства Монахан. Кажется, будто он стоит на другой планете, хотя рас-

положен всего-то в каких-то 60 милях от Дублина, а Книга гостей настолько пестрит именами знаменитостей, что даст фору самому журналу Hello. История замка и его обитателей на протяжении нескольких веков в свою очередь могла бы стать сюжетом для захватывающего романа. Семейным гнездом семейства Лесли – ирландской ветви знаменитого шотландского клана – замок стал в 1665 году, когда шотландец Джон Lesley, получивший приход в Ирландии, а заодно и по прозвищу «воинственный епископ» за свое сопротивление ирландскому восстанию и парламентским войскам, влюбился в это место и решил провести здесь последние годы своей бурной жизни. В возрасте 67 лет он взял в жены восемнадцатилетнюю дочь Александра Каннингема, Екатерину, и стал отцом пятерых детей. Благополучно дожив до ста лет, он ушел на раду в 1671 году и был похоронен в церкви Спасителя, которую построил на окраине своего поместья. Представители следующего поколения Лесли были дружны с Джонатаном Свифтом, деканом собора Святого Патрика в Дублине, частым гостем в поместье, о котором он писал со свойственной ему иронией: «Вот я в замке Лесли, где книг вокруг не счесть мне – их написали Лесли, конечно же, о Лесли». А писать им действительно было о чем: например, Чарльз Пауэл Лесли, который унаследовал поместье в 1743 году, отвечал за образование племянника со стороны жены – юного Артура Wellesley – будущего герцога Веллингтона, героя битвы при Ватерлоо в 1815 году. Внук Чарльза, Джон,

1-й баронет Глазлох, женился на Констанс, чья мать Мини Сеймур была дочерью короля Георга IV от его морганатического брака с миссис Фицгерберт. Именно она настояла, чтобы он сделал особняк достойным ее королевского происхождения, которым весьма гордилась, что и было исполнено – таким величественным и солидным замок дошел и до наших дней. С чувством юмора, как и с чувством собственного достоинства, у Констанс было все прекрасно – она прославилась тем, что изобрела оригинальный способ украшения стола во время торжественной трапезы, который тут же взяли на вооружение все хозяйки модных салонов – орнаменты из цветов, которые она называла «спрячь мужа».

Дженни Джером (леди Дженни Спенсер-Черчилль)

Именно их сын Джон взял в жены американскую краса-

вицу Леоне Джером – сестру матери Уинстона Черчилля – Дженни Джером, и Уинстон был здесь частым гостем, навещающая тетюшку и дядюшку, пока не рассорился с дядюшкой по вопросу ирландского самоуправления, которое горячо поддерживал. Правда, в лице своего кузена, 3-го баронета, он все же нашел единомышленника – тот принял католицизм, был страстным ирландским националистом и поменял свое имя Джон на ирландское Шон. Сэр Шон был весьма плодовитым писателем и поэтом, опубликовав более 45 книг, включая мемуары о своем американском турне с лекциями в 1930-х годах. В его дни в замке гостили такие мэтры пера, как Джордж Мор, Уильям Батлер Йетс и Оливер Джон Гогарти. Йетс останавливался в Красной спальне, которую облюбовало для себя привидение брата Шона – Нормана – последнего в истории дуэлянта британской армии, героически погибшего в Первой мировой. То ли для того, чтобы усилить эффект, то ли в качестве шутки к Хэллоуину, в спальне установили механическую ведьму, которая выскакивала из ванны, пугая ничего не подозревающих гостей. В конечном счете ведьму пришлось убрать после того, как жена французского посла, не оценив черный ирландский юмор, рухнула в обморок. Кстати, огромная глубокая ванная в Красной спальне – тоже своего рода раритет – считается первой из установленных в Ирландии. В Лиловой комнате, которую, кстати, облюбовало привидение Констанс, принимали особ королевской крови: герцога Коннаутского – младшего сына

королевы Виктории и его жену, а также принца Пьерре из Монако – свекра легендарной Грейс Келли. Гостила здесь и шведская королева Маргарет, которая была разбужена посреди ночи глухими стуками и ругательствами, доносившимися из гардероба в ее спальне – там каким-то образом спрятался ее умалишенный почитатель и не мог оттуда выбраться.

Супруга Шона, Мэрджори Айд, была американка, как и его мать. Вместе со своей сестрой Анной часть своего детства она провела на острове Самоа, где по роду службы оказался их отец, Генри Клей Айд (Henry Clay Ide), завязавший близкую дружбу с шотландским писателем Робертом Луисом Стивенсоном, который в поисках спасения от мучившей его болезни легких проживал в то время на острове со своим семейством и был их соседом. Узнав о том, что день рождения Анны приходится на Рождество, и о нем постоянно забывали в предрождественской лихорадке, вручая бедному ребенку один подарок вместо двух, он предложил ей поделиться своим днем рождения в ноябре и действительно в 1891 году, за три года до смерти, оформил официальную дарственную. В ней говорилось: «Учитывая, что мисс Анна Айд, вопреки всем разумным соображениям, была рождена в день Рождества и потому несправедливо лишена радостей и преимуществ, связанных с обладанием собственным днем рождения; учитывая также, что я достиг того возраста, когда уже не могу должным образом отметить свой день рождения, я

передаю указанной Анне Айд целиком и полностью мои права и привилегии на тринадцатый день ноября, бывший моим днем рождения, и позволяю ей числить за собой и отмечать этот день, наслаждаясь им всеми общепринятыми способами, надевая в этот день красивые платья, поедая вкусные блюда и получая подарки, как это делается со времен наших предков». В заключение писатель указывал, что если Анна не сумеет должным образом использовать его подарок, то он завещает свой день рождения президенту США.

Анна Айд, однако, оказалась достойной щедрого подарка и с тех самых пор до конца своей жизни отмечала свой день рождения 13 ноября. И это несмотря на то, что официально эта дарственная так и не была признана судом, который счел, что день рождения – нематериальная ценность, поэтому и не подлежит передаче. Кроме того, Стивенсон не мог быть хозяином своего дня рождения. Писатель, конечно же, был обо все этом совершенно другого мнения, как, впрочем, и сама Анна.

Ее мужем был Вильям Бурке Кокран, уроженец Ирландии, который в семнадцать лет отправился покорять Америку. Изучал право в Нью-Йорке, сделал блестящую политическую карьеру конгрессмена и был известен как знаменитый оратор – «серебряный язык и золотое сердце». Его ораторское искусство так впечатлило Дженни Черчилль, что в конце 1890-х она отправляет своего сына, Уинстона, в США, чтобы тот поучился у Бурке искусству публичных выступ-

лений. Черчилль оказался способным и благодарным учеником, всю жизнь почитавший Бурке в качестве своего учителя.

Братья Шона тоже оставили свой след в истории семейства Лесли: Лайонел прославился охотой за озерными монстрами. Младший брат Шона, Сеймур, перебрался в Америку в начале 1-й мировой войны и стал первым автором, написавшим книгу о трех знаменитых сестрах Джером. Его эстафету переняла старшая дочь Шона, Анита, ставшая известной писательницей Эдвардианского периода – ее перу принадлежат биографии ее знаменитых родственников, включая Леонарда Джерома, Дженни Черчилль и Клэр Шеридан.

В 1940 году Анита вышла замуж за Павла Родзянко, русского кавалергарда, некогда входившего в десятку лучших конников мира – лошади всегда были его страстью. Его имя вошло во все учебники верховой езды и во все книги по истории конного спорта. Полковник русской императорской армии и участник Белого движения на востоке России, после революции волею судеб оказавшийся за границей, дослужился до британского полковника, а в конце 20-х был приглашен в Ирландию возглавить кавалерийскую школу армии молодого «Свободного ирландского государства». Создавая ирландскую кавалерию, Родзянко времени даром не терял и женился на молодой экстравагантной аристократке Аните Лесли, младше него на 34 года. В замке Лесли с его обширными земельными владениями было где развернуться быв-

шему кавалергарду – он наслаждается долгими поездками верхом, а Анита помогает ему в написании и издании мемуаров «Обветренные знамена».

Библиотека в замке Лесли. Фото И. И. Донсковой

Самое интересное, что Лесли – еще и первый замок в Ирландии, который может похвастаться площадкой для НЛО, построенной сыном сэра Шона Десмондом, который был пилотом во Второй мировой, страстно жаждал контакта с инопланетянами и написал свой знаменитый трактат про ле-

тающие тарелки. Прочитав однажды в одном из путеводителей, что семейство Лесли можно назвать «слегка эксцентричным», Десмонд обиделся не на шутку, заметив, что написать надо было не «слегка», а «весьма».

В 2002 году в замке состоялась свадьба Пола Маккартни с моделью Хизер Милз. Среди гостей были Элтон Джон, Стинг, Боно и Ринго Стар. Выбор замка был отнюдь не случаен, поскольку мать Пола Маккартни, Мэри Махон, была родом из графства Монахан.

Однако сестры Джером были всего лишь первыми ласточками, за которыми последовали другие, вольные и невольные охотницы за аристократическими титулами. Семейство предпринимателя Ричарда Торнтона Вилсона, сделавшего состояние на гражданской войне, удачно выдало свою старшую дочь за отпрыска «старой» нью-йоркской семьи Огдена Гулета, а их дочь Мэй, продолжая семейную традицию, вышла замуж за герцога Роксбургского в Шотландии и была в полном восторге от того, как встречали ее на новой родине – сто человек с факелами на фоне сказочного силуэта замка Флорз под пронзительный аккомпанемент волюнок.

Миссис Паран Стивенс, жена владельца отельного бизнеса, объехала всю Европу с дочерью Минни в поисках подходящего жениха, прежде чем выдать ее замуж за Артура Паже (Artur Paget) – внука маркиза и близкого друга принца Уэльского. Несмотря на «скромное» приданое в сумме 65 тысяч фунтов стерлингов, она сама оказалась настоящим брилли-

антом и смогла составить достойную конкуренцию светским львицам местного разлива.

Еще одна американская наследница – Адель Грант – становится графиней Эссекской, а знаменитая Консуэло Вандербильт, одна из главных героинь нашей книги, в 1985 году получает титул герцогини Мальборо в обмен на приданое в 2 миллиона фунтов, что в наши дни составило бы примерно 80 миллионов, дабы удовлетворить амбиции своей властной матери. Ко всему этому прилагались и фамильные сокровища. Еще 10 миллионов фунтов Вандербильты потратили на то, чтобы удержать Мальборо на плаву в последующие годы.

Мэри Виктория Лейтер

В этот же год, вдохновленные примером Консуэло, по меньшей мере еще девять долларовых принцесс выходят замуж за титулованных британских аристократов, а главный трофей достается Мэри Лейтер, дочери богатого американского бизнесмена и владельца крупного универмага из Чикаго, чье приданое в сумме 650 тысяч фунтов стерлингов плюс солидный особняк в Лондоне оказали солидную поддержку политическим амбициям ее супруга, Джорджа Керзона. Недаром родители нарекли ее Мэри Виктория – первое имя в честь матери, а второе в честь королевы, словно зная, что ей суждено будет стать не только маркизой, но и вице-королевой Индии, супругой Вицeroя – наместника короля – наивысший официальный титул в истории всех американских женщин и до и после нее.

На самом деле Мэри идеально подходила на эту роль – она получила прекрасное домашнее образование: французский язык, танцы, пение, музыка и искусство. Профессор Колумбийского университета преподавал ей историю, арифметику и химию. Плюсом ко всему шел блестящий интеллект и отличное чувство юмора. Да и сама она была красавицей – высокая и ладная, с большими серыми глазами, правильными чертами лица и густыми волосами.

В лондонском высшем обществе, куда Мэри ввел американский посол, она познакомилась с 35-летним Джорджем Керзоном, помощником министра по делам Индии, который

увлек и заворожил ее своим красноречием и рассказами об Индии, яркими и страстными, под стать его темпераменту. Амбициозный, гордый, типичный аристократ, Джордж Натаниэль был старше ее на одиннадцать лет – «дитя своего круга и верный рыцарь своего мира», как образно и точно охарактеризовал его один из биографов. Первый всегда и во всем – еще в Итоне и в Оксфорде он брал призы и получал высшие баллы по любимым дисциплинам – истории, французскому и итальянскому языку. Путешественник, публицист, харизматичный собеседник – сердце Мэри было завоевано окончательно и бесповоротно. Для ее родителей все это, впрочем, не имело особого значения, кроме того, что он принадлежал к одной из старейших аристократических семей Англии, будучи потомком старинного рода Керзонов, чьи далекие предки происходили из местечка Курсон в Нормандии. Один из представителей рода – Робер де Курсон – участвовал в победоносном походе Вильгельма Завоевателя на Англию, заделавшись позднее крупным землевладельцем.

Внешность у Джорджа Натаниэля была под стать его происхождению: идеально выбритое лицо, выразительные карие глаза, орлиный нос и чувственные губы, на которых нередко играла ироничная улыбка. Не случайно на свет появилась эпиграмма, сочиненная его однокашниками по Баллиол-колледжу:

My name is George Nathaniel Curzon,

I am a most superior person.
My cheeks are pink, my hair is sleek,
I dine at Blenheim twice a week.

(Меня зовут Джордж Натаниэль Керзон.
Я умею держать фасон.
Мои щеки покрыты румянцем,
а волосы гладким глянцем.
И дважды в неделю я столююсь в Бленхейме).

Перевод автора

22 апреля 1895 года Мэри Лейтер и Джордж Керзон соединили свои сердца – и трудно было представить более гармоничную пару: Мэри, с ее лучистой энергией, и истинно английский джентльмен Джордж прекрасно дополняли друг друга. Многие считали, что переизбрание Керзона в парламент осенью того же года объяснялось в большей степени неотразимым обаянием и прекрасной улыбкой его жены, чем его собственными выступлениями.

Заручившись таким бесценным соратником, Керзон продолжил свое восхождение на политический олимп. С 1895 года занимает в кабинете маркиза Солсбери пост заместителя министра иностранных дел и руководит политикой Англии в Азии. 29 июня 1895 года получает звание рыцаря из рук самой королевы Виктории. А летом 1898 года он был возведён в пэрство Ирландии в качестве барона Керзона из

Кедлстона и назначен на должность вице-короля Индии. Это была самая заветная мечта, которая не покидала Керзона со времени обучения в Итоне. Он свято верил в то, что само Провидение возложило на англичан нелегкую миссию повести народы Индостана по пути цивилизации и прогресса.

Впервые посетив Калькутту во время кругосветного путешествия в декабре 1887 года, Керзон, по свидетельству очевидцев, заявил, что в следующий раз войдет через городские ворота как вице-король. Индия, воистину, была романсом его юности, всепоглощающей страстью в зрелые годы и незабываемым прошлым в старости.

Джордж Натаниэль Керзон в юности

В конце 1899 года Керзоны прибывают в Бомбей, который встречал их по-королевски: пристань была украшена темно-красными драпировками, и после приветственных речей они ехали семь миль до губернаторской резиденции сквозь оцепление из солдат по улицам, на которые высыпали толпы народа. Над их головами был раскрыт золотой зонтик – один из самых древних и почетных символов индийской королевской власти.

Из Бомбея Керзоны переезжают в Калькутту – к этому времени в семье уже родились две девочки – Ирэн и Синтия Бланш.

Разделяя, как и многие викторианцы, взгляд на коренных жителей Индии как на «детей, которые никогда не вырастут и всегда будут требовать опеки со стороны взрослых», Керзон тем не менее делает все, чтобы сохранить и приумножить их культуру. На посту вице-короля развивает бурную деятельность: проводит налоговую реформу, строит Мемориал Виктории в Калькутте, уделяет особое внимание сохранению древних индийских памятников: именно благодаря Керзону был спасён от разрушения и отреставрирован Тадж-Махал. «Ни один из вице-королей, – писал редактор газеты “Таймс оф Индия” С. Рид, – не приезжал в Индию наделенный столькими талантами; ни один из вице-королей не вносил в управление страной такого же количества неустанной

работы; ни один из вице-королей не был настолько охвачен страстным желанием служить земле, которую он любил, и империи, которой он так гордился».

Леди Керзон от мужа не отстаёт: активно занимается благотворительностью, реформированием и созданием новых больниц, обучением местных врачей и сестер. Покоренная Индией, делает все, что в ее силах, чтобы развивать ее инфраструктуру, особенно в области шёлкового ткачества, вышивки и других художественных промыслов – индийские товары должны стать достоянием европейских модниц!

Лорд Керзон

И Мэри создает прекрасную рекламу индийским мастерам, демонстрируя на себе качество их продукции. Консультирует вышивальщиков и ткачей, побуждая их отражать в узорах современные тенденции моды, вовлекает в сотрудничество свою подругу – ведущего британского модельера леди Люси Дафф Гордон. Вносит свою лепту и в создание изысканного коронационного наряда королевы Александры, сшитого из золотой ткани с фабрики Чандни Чаук в Дели, где Мэри заказывает материалы для своих парадных платьев.

В свою очередь лорд Керзон организует в Индии торжества в честь коронации короля Эдуарда VII и королевы Александры в 1902 году – «Делийский Дарбар» («Королевский двор в Дели») – «самое грандиозное зрелище в истории», который превзошел по своей масштабности и помпезности и предыдущий Дарбар 1877 года, и последующий 1911-го. За несколько месяцев пустынная равнина преобразилась в изысканный шатровый город со множеством магазинов, со своей почтой, телефоном и телеграфом, полицейскими в красивой униформе, с больницей, магистратом, канализацией и даже электрическим освещением. В кратчайшие сроки проложили легкую железную дорогу, чтобы с комфортом доставлять многочисленных гостей из Дели. Отлили сувенирные медали и напечатали путеводители.

К разочарованию Керзона, Эдуард VII не удостоил торжество своим личным визитом, прислав вместо себя своего брата герцога Коннаутского, который прибыл поездом из

Бомбея, а потому и не увидел, как со всей Индии съехались махараджи со своими свитами и английские чиновники, увешанные драгоценностями, как рождественские ели, а лорд Керзон вступил в зону торжеств вместе с махараджами на слонах, у которых на бивнях были огромные золотые канделябры. В конце концов, короля в Индии замещает именно он, а не брат короля герцог Коннаутский – никаких сомнений быть не должно!

Перед собравшимися прошёл парад армии под командованием лорда Китченера. Гремели и сверкали фейерверки. Грандиозное событие освещалось журналистами со всего мира.

Леди Керзон, как всегда, была на высоте – поразила и ослепила всех гостей Дарбара, появившись в своем знаменитом «павлиньем платье» от Парижского дома Уорт из шелковой тафты цвета шампанского, вышитой местными мастерицами золотыми нитями и расшитой павлиньими перьями. Писали, что когда она грациозно шествовала через зал, толпа затаила дыхание – разошелся слух, что каждое перо на платье леди было украшено изумрудом. На самом деле переливающиеся сине-зеленые «глаза» павлиньих перьев были не чем иным, как надкрыльями жука-златки, издавна используемого индийскими мастерами для украшения одежды. Подол был украшен сотней белых шелковых роз. На ее голове красовалась тиара с бриллиантами и крупными жемчужинами. «Бриллиант, оправленный в золото, Полная луна в яс-

ном осеннем небе» – такими эпитетами награждали ее индийские поэты в своих стихах.

Леди Керзон в знаменитом «павлиньем платье»

«Роза из ярких роз, Видение воплощенного света», – писал о Мэри Керзон индийский поэт Рам Шарма.

В 1901 году Чарльз Тернер действительно вывел в ее честь новый сорт розы «Леди Керзон», которая имела мягкий переливчатый розово-фиолетовый оттенок, крупные цветы и сладкий аромат.

В честь нее был назван и черепаховый суп со вкусом карри – одно из любимых блюд, куда леди Керзон неизменно добавляла херес.

В 1904 она родила ещё одну девочку – Александру. Супруги мечтали о наследнике и год спустя радовались новой беременности Мэри. Увы, Мэри потеряла ребенка, начались осложнения, тропический климат и подхваченная инфекция серьезно ухудшали ее здоровье. В то же время Керзон переживает серьезный конфликт с главнокомандующим англо-индийской армией генералом Китченером – по сути, столкновение амбиций двух политических гигантов. Керзон, уверенный в том, что правительство встанет на его сторону, отправляет в Лондон телеграмму с ультиматумом: либо правительство Великобритании принимает его точку зрения на некоторые аспекты управления Индией, либо он покидает свой пост. Ответ не заставил себя ждать: утром 16 августа 1905 г. в ответной телеграмме Керзону сообщили, что правительство приняло его отставку.

Семейство возвращается в Англию в надежде на то, что смена климата пойдет на пользу здоровью Мэри, но, увы, леди Керзон умирает 19 июля 1906 года в Карлтон-Хаусе в Лондонском Вестминстере в возрасте тридцати шести лет.

В ту же ночь Керзон написал матери Мэри: «От меня ушла самая верная, преданная, бескорыстная, прекрасная и обаятельная жена, которая когда-либо являлась супругой мужчины, а я остался один с тремя детьми-сиротами и сломанной жизнью. Но ничто не сможет лишить меня памяти об одиннадцати счастливых и долгих годах, ведь ее душа наблюдает за мной откуда-то, принося все доброе, что она может принести».

Говорят, что, увидев Тадж-Махал лунной ночью, Мэри была так потрясена его красотой, что воскликнула, что готова умереть, если кто-нибудь построит ей такой же великий памятник любви.

Лорд Керзон страшно горевал, но Тадж-Махал не построил – возвел мемориальную часовню в фамильном поместье Кедлстон-холл в готическом стиле и завещал похоронить себя рядом (этому суждено было случиться только через 19 лет).

В мечтах о наследнике лорд женился повторно лишь в 1917 году, но этот брак счастливым не был, да и желанного наследника не дал.

Согласно одной из версий, именно Мэри Лейтер стала основным прототипом Кору – американской жены лорда Гр-

эпизод из популярнейшего исторического сериала «Аббатство Даунтон», который в 2011 году вошел в Книгу рекордов Гиннеса как «самый обсуждаемый критиками телесериал» и получил приз «Эмми» за костюмы, операторскую работу, режиссуру и, конечно же, оригинальный сценарий Джулиана Феллоуза. Автор признался, что источником вдохновения для него послужила книга «Выйти замуж за английского лорда», повествующая о юных американках, приехавших в Англию в конце XIX века, чтобы выйти замуж за английских аристократов.

Сериал действительно родился под счастливой звездой, или, говоря точнее, звезды действительно сошлись в прямом и переносном смысле – это и удачный выбор актеров, стопроцентно вжившихся в свои роли, и аутентичные костюмы, и неожиданные повороты сюжета – «и жизнь, и слезы, и любовь» на фоне исторических декораций уходящей в прошлое старой, доброй Англии... И, конечно же, впечатляющий замок Хайклер в роли «Аббатства Даунтон» – фамильного поместья Грэнтемов, тут же ставший местом паломничества фанатов телесериала. И пусть никого не смущает слово «аббатство», ибо к религии это поместье имеет весьма опосредованное отношение. Печально известный Генрих VIII, проводя реформацию английской церкви, отбирал земли у католических монастырей и аббатств, раздавая их приближенным аристократам в обмен на службу и верность. Поместья в виде замков и дворцов, построенные на бывших церковных

землях, сохранили в своих названиях слово «аббатство».

Что же касается Джулиана Феллоуза, автора сериала, то он весьма дружен с хозяевами замка Хайклер, сам является обладателем титула барона Вестстаффордского (правда, полученного совсем недавно за заслуги перед отечественными литературой и кинематографом), женат на дочери графа и живет в прекрасном большом доме, хотя и не считает себя аристократом, поскольку всего в жизни добился сам. И это действительно так.

Детство Джулиана прошло в Каире, куда был направлен на службу его отец – дипломат и арабист. Судя по всему, именно там наблюдательный мальчуган почерпнул свои первые сведения о жизни «верха» и «низа» – господ и слуг. Затем последовала учеба в престижной частной школе в Лондоне, в католическом колледже Ampleforth College и, наконец, в Кембриджском университете, где он стал членом театрального клуба «Footlights», в котором в разное время состояли Стивен Фрай, Хью Лори, Эмма Томпсон, Сесил Битон, актеры и создатели «Монти Пойтона» и другие. В итоге Феллоуз, увлекшись театром, принимает решение стать актером, а параллельно пишет дамские романы под женским псевдонимом. Романы, правда, славы не снискали, а вот сценарий фильма «Госфорд-парк», написанный им по заказу режиссера Р. Олтмана, принес ему «Оскар» в 2002 году. Сценарий этот, кстати, по структуре во многом напоминает «Аббатство Даунтон» – действие имеет место в 30-е годы про-

шлого века в загородном доме, где происходит убийство, через которое режиссер рассматривает межклассовые отношения, исследуя три группы людей: семью, гостей и слуг. «Госфорд-парк» получился интересным и кассово успешным.

Спустя годы тема «прислуга – господа» вновь всплыла в жизни сценариста – на свет появилась семья Кроули, живущая в огромном имении под названием «Аббатство Даунтон» в окружении многочисленных слуг на полпути между старой и новой эрами в сложное и тревожное время – с 1912 по 1919 год. Семейный замок был спасен от разрушения и продажи с молотка благодаря солидному приданому американской жены графа Грэнтема, Кору, урожденной Левинсон – одной из сотни долларовых принцесс, прибывших в Туманный Альбион, чтобы обменять свое богатство на аристократический титул.

«Я вдруг подумал, каким радужным все казалось для них вначале, но вот что стало с ними 25 лет спустя, когда они мерзли в больших старинных домах где-нибудь в графстве Чешир после привычного и комфортного Лонг-Айленда?» – делился своими мыслями Феллоуз в одном из интервью. И сколько таких браков закончилось разводом, взаимной ненавистью и ожесточенной битвой за деньги и имущество?

Его героиня Кора оказалась одной из счастливиц – хотя она и вышла замуж за графа Грэнтема в 19 лет ради спасения его семейного гнезда, любовь в этом браке все же свила свое гнездо. Как признавался Роберт, ее экранный су-

пруг, любовь пришла достаточно быстро, стоило ему ближе узнать свою жену – настоящее сокровище! Мудрая, мягкая, женственная, чудесным образом сочетающая практичность и аристократизм, умеющая в то же самое время твердо отстаивать свою позицию. Подарившая Даунтону шанс на выживание и процветание – ее приданое позволило лорду Грэнтому сохранить «дело всей его жизни» – величественный замок: для кого-то «груда камней, требующая постоянного ремонта», а для него дом, где он родился и надеется умереть. У них три дочери – Мэри, Эдит, Сибил, отношения с которыми доверительные и тёплые, а вот наследника родить им не удалось. Кто станет новым лордом? Сохранит ли он старинный замок, на который ушли все деньги Кору?

Увы, история хранит и печальные примеры из жизни долларовых принцесс – тезка нашей экранной героини, Кора Коулгейт, вдова мыльного магната, выйдя замуж за маркиза Страффорда, вложила сотни тысяч долларов в его фамильный замок, но потеряла все, когда он умер, а поместье перешло к его племяннику.

Было, однако, и еще одно немаловажное обстоятельство, помимо вопроса о наследстве и вечной мерзлоте старинных замков, что доводило американских жен практически до отчаяния – отсутствие привычного комфорта. Вспомним, как восклицает в сердцах леди Кора, когда ее супруг противится модернизации Даунтона, отказываясь устанавливать ванны при спальнях, заявляя, что это будет не дом, а отель: «Я аме-

риканка и не разделяю ненависть англичан к комфорту!»

А тех, кто героически адаптировался к арктическому холоду в собственной спальне, ждало испытание жестким протоколом и удушающей рутинной веками заведенного и отполированного образа жизни английской аристократии.

Конечно, можно было бы породниться и с обширными королевскими семьями Италии, Австрии, России и Франции, что, впрочем, и сделали некоторые из долларовых принцесс. Так, например, наследница миллионов Зингера, сделавшего состояние на знаменитых швейных машинках, превратилась в принцессу де Полиньяк, выйдя замуж за французского принца, а Алиса Хайн из Нью-Йорка – в принцессу Монако, выйдя замуж за принца Альберта.

Но, какой бы экзотической и привлекательной ни казалась жизнь в Париже или Санкт-Петербурге, высшим мерилом жизненного успеха в американском обществе все же оставался брак с английским аристократом. И это при том, что британская светская элита взирала на таких новоиспеченных баронесс, графинь и герцогинь с небрежным налетом высокомерия и снобизма. Для многих понятия «янки» и «вульгарность» всю жизнь оставались абсолютными синонимами: «Никакой породы. Никакой истории рода. Никаких манер. Никакой сдержанности – дают волю чувствам и говорят то, что думают! Кичатся своими мехами и драгоценностями! Подумать только, они требуют горячего душа и центрального отопления!»

Те же из них, кто умудрялся мимикрировать под английский образ жизни и мыслей, достаивались всеобщей похвалы. Одной из таких американских леди, преуспевшей в процессе ассимиляции, была маркиза Ормонд, уроженка Нью-Йорка, которую, как о ней говорили, «можно было принять за настоящую англичанку».

Такого признания не достаивалась даже добрая, милая, разумная и тонко чувствующая Кора из «Аббатства Даунтон». Рискнув спросить о происхождении потенциального претендента на руку своей дочери: «Древний ли у него род?», она мгновенно получает отповедь от своей свекрови, вдовствующей графини Вайолет: «Да уж старше, чем твой, уж это точно!»

«Это было то, с чего все началось, с идеи: женщина воспитывает своих детей в другой культуре», говорит Феллоуз об американских женах английской аристократии. Однако в случае с Корой это, похоже, не особенно удастся: когда ее дочь, леди Мэри, открыто выражает свое отвращение при мысли о том, чтобы выйти замуж за человека среднего класса, «который едва умеет держать нож, как джентльмен», Кора приходит в ужас от такого классового высокомерия и снобизма. «Ну тебе этого не понять, – парирует дочь. – Ты же американка».

Кстати, одна из книг Феллоуза, ставшая хитом в Великобритании и изданная на русском языке, так и называется – «Снобы».

Удивительно и то, что роль Кору в сериале играет самая настоящая американка, которая по собственной воле связала свою судьбу с Англией – Элизабет Ли Макговерн родилась, училась и начала актёрскую карьеру в Америке, а в 1992-м, в 31 год, вышла замуж за британского режиссёра и продюсера Саймона Кёртиса – они до сих пор вместе. У них две дочери – Матильда и Грейс, почти как у ее экранной героини.

Узнав о съёмках сериала «Аббатство Даунтон» и о том, что жена графа – американка, она отправила продюсерам письмо, в котором писала, что готова встать на колени, лишь бы получить эту роль, и предлагала посмотреть на неё в сериале «Замораживание», где её экранного мужа сыграл Хью Бонневиль, который пробовался на роль графа Грэнтема. Ее мольбы были услышаны – их так и утвердили в «Аббатство Даунтон» – парой.

Что же касается прототипов героев «Аббатства...», то Феллоуз отвечал так: «Некоторые персонажи были вдохновлены реальными людьми, истории других придуманы из моего собственного опыта, но они не являются точным воспроизведением чьей-то реальной жизни».

Шаг в историю

На самом деле реальная история супруги 5-го графа Карнарвона, на чьи деньги был отреставрирован и сохранен фамильный замок Хайклер, ставший экранным Даунтоном, выглядела бы слишком неправдоподобной в телевизионной

версии, ибо жизнь зачастую дает фору даже самым безудержным писательским фантазиям.

Нет, американкой она не была, но зато была внебрачной дочерью Альфреда де Ротшильда, наследника огромной банковской империи, и его возлюбленной – французженки Мари Вомбвелль. Их брак так никогда и не был оформлен официально – на момент их встречи Мари, хоть и жила отдельно от своего мужа, мота и гуляки, формально состояла в замужестве. А затем, когда он умер, «браку католички и иудея» воспротивились уже сами Ротшильды. Идти против клана Альфред не решился и, наделив дочь романтическим именем Альмина (составное из первой части его имени – Аль, и домашнего имени Мари – Мина), поселил ее с матерью в богатом доме, обеспечивал, как принцессу, и называл себя не отцом, а крестным.

В 17 лет, не без помощи «крестного отца», Альмина была представлена королеве Виктории на традиционном балу дебютанток. Ей нельзя было отказать ни в уме, ни в шарме. «Карманная Венера» – так называли ее за утонченность и миниатюрность. Но, выйдя на орбиту высшего света, Альмина цепким взглядом высматривала выгодную партию, чтобы заставить светских сплетников навсегда забыть о ее сомнительном происхождении.

Добыча не заставила себя долго ждать – когда Джордж Герберт, 5-й граф Карнарвон, сделал ей предложение, она согласилась, хотя никакой любовью здесь и не пахло – ни с

одной, ни с другой стороны. Классический брак по расчету – ее солидного приданого (в пересчете на современные деньги около 25 миллионов фунтов) – вполне хватало, чтобы погасить все долги графа, которые он так опрометчиво наделал в юности, а также на то, чтобы содержать замок Хайклер – весьма недешевое удовольствие. Альмина же получала статус в обществе и титул, о котором мечтала, и потому в 1895 году, надев фамильные драгоценности семейства Карнарвон, отправилась на венчание в церковь Святой Маргариты в Вестминстере.

Карнарвон явно не прогадал – Ротшильд не только уплатил все долги зятя, но и за свой счёт провёл в Хайклер водопровод и электричество. Освоившись в новой роли хозяйки замка, Альмина приказывает поместить свои инициалы повсюду: они красуются рядом с гербом Карнарвонов и на всех предметах – от белья до книг. Все стены в замке, по ее желанию, обтягивают изысканным шёлком. Была, правда, у молодой графини одна причуда – она бдительно следила за тем, чтобы кухарка тщательно выбирала все косточки из рыбы и мяса, иначе ей было несдобровать.

Получив желаемое, каждый из супругов зажил своей жизнью, что явно не способствовало появлению наследника. Досушие языки судачили о мужской несостоятельности графа и о «французской болезни», которую он по молодости якобы подхватил в Каире, хотя, судя по страницам дневника, граф просто находил молодую жену «не особенно при-

влекательной».

А вот его ближайшему другу, князю Виктору Дулину Син-гу, который был сыном последнего раджи Лахора и любимым приемным сыном королевы Виктории, Альмина пришла очень даже по вкусу. Князь стал частым гостем в Хайклере и вскоре стал открыто флиртовать с графиней, которая заметно тяготилась своим одиночеством. И когда два с половиной года спустя Альмина забеременела, высший свет открыто делал ставки, кто же истинный отец долгожданного ребенка?

Однако появившийся на свет 7 ноября 1898 года Генри Герберт, наследник графа Карнарвона, бледный и худощавый, как и сам граф, заставил сплетников замолчать. Через три года в семье родилась дочь – леди Эвелин Герберт. Выполнив свой супружеский долг, Карнарвон смог полностью отдаться своим страстям – автомобилизму, египтологии и путешествиям, пока жена томится в золоченой клетке. Однако, когда в 1901 году он попал в жуткую автокатастрофу, Альмина, преданно ухаживая за пострадавшим, вдруг осознает: ей нравится это делать – нравится помогать, ощущать свою незаменимость, чувствовать свою власть! И, как только разразилась Первая мировая, сразу же заявляет – в Хайклере будет госпиталь. Здесь красиво и уютно, все способствует скорейшему выздоровлению. Первые раненые начали прибывать в 1914 году – графиня просиживала часами у кроватей своих пациентов. Вот толь-

ко медсестру, которой начал оказывать знаки внимания ее сын Генри Герберт, наследник графского титула, выгнала с позором.

По окончании войны 5-й граф Карнарвон окончательно предается своей основной страсти – египтологии, финансируя свои экспедиции в Долину царей на средства Альмины. Именно деньгам Альмины мы обязаны открытием гробницы Тутанхамона. То, что произошло потом, иначе как мистикой или «проклятием фараонов» не называют – в 1923 году граф слег от укуса москита, за которым последовали серьезный сепсис и пневмония. Альмина преданно ухаживала за больным, который вскоре отошел в лучший мир. К счастью, она не прекратила тогда финансирование экспедиции Говарда Картера, понимая всю значимость эпохального открытия.

Графиня Альмина Карнарвон

Искренне или нет, но графиня заявляет, что «никто в мире не любил графа Карнарвона больше, чем я. Его жизнь была для меня священна».

Впрочем, её траур длился недолго, всего восемь месяцев. В том же самом 1923 году, 19 декабря, Альмина выходит замуж за генерал-лейтенанта Яна Онслоу Деннистоуна – они скромно зарегистрировались в Лондоне, где Альмина приобрела особняк на имя нового мужа, а также использовала его счета – продавала ювелирные украшения и произведения искусства, унаследованные от Альфреда де Ротшильда, чтобы поддерживать роскошную жизнь и не платить налоги.

Увы, деньги таяли быстро, и Альмина решила заняться бизнесом – открыть дом престарелых для богатых и именитых стариков. Так в Лондоне появляется «Дом престарелых имени Альберта», или «Риц для престарелых», как его называли.

Удовольствие было не из дешевых, но и уровень ухода за постояльцами одним из лучших во всей Европе. Идя в ногу с ведущими европейскими клиниками, ее «Риц» предлагал и услуги по прерыванию беременности, хотя аборт официально были запрещены в Британии вплоть до 1967 года. Со временем появились еще два подобных учреждения.

Разбогатеть на этом, правда, не особенно получалось – всю жизнь считая финансовую рутину «ужасным дурновкусием», Альмина, которая сама вела дела, порой просто «за-

бывала» предъявить счета попечителям.

Начавшаяся в 1939 году Вторая мировая война поставила крест этом деле – Альмина была вынуждена закрыть свои дома престарелых. Лондон бомбили, оплачивать счета было нечем. Сын Альмины, Генри Герберт, ставший шестым графом Карнарвоном после смерти отца, помочь матери отказался, что, впрочем, было вполне ожидаемо. После смерти отца он вместе с титулом унаследовал и замок, который опять нуждался в серьезных дотациях. Мать помочь отказалась, устраивая свою судьбу. Он обвинял ее в расточительстве и во всех возможных грехах, запер на замок любимую комнату Альмины в Хайклере, чтобы сильнее уязвить ее – комнату открыли только в 1987 году, после его смерти. В 1950-х он заявил на Альмину в налоговые органы, обвинив в уклонении от выплат долгов. Понимая, что ей грозит банкротство, графиня отдала оставшиеся у нее ценности дочери и ее детям.

Признанная банкротом, Альмина получила от властей субсидию – 60 фунтов в неделю.

К счастью, ее любимый внук Генри согласился купить ей жилье в Бристоле. Почему именно там – доподлинно неизвестно. В 1954 году она, бывшая хозяйка Хайклера, чьи инициалы красовались там практически на каждой вещи, въезжает в свои меблированные комнаты в обычном викторианском доме, начиная новую жизнь. Удивительно, но «новую семью» Альмина обрела там в лице своей горничной Энн

Ледбиттер, с которой они практически стали подругами, а также ее сына Тони, которого Альмина полюбила всей душой.

Ее лебединой песней стал роман с Джеймсом Тимоти Стокингом, с которым они встретились еще в 1942 году, когда она пыталась делать ремонт в одном из своих домов престарелых. Разница в возрасте в тридцать лет влюбленных, по-видимому, не особенно смущала. Джеймс расстался с женой, с которой был несчастен в браке, и переехал к 70-летней Альмине.

Жизнь продолжалась. Графиня уверяла, что Бристоль ничуть не хуже Лондона, предпринимая периодические выходы «в свет» – то в художественный салон, то на концерт. Ценила гостеприимство и отзывчивость бристольтцев, считавших ее «блистательной, но старомодной». Изредка она позволяла себе и такие роскошества, как прогулка на черном лимузине с водителем и ветерком, в широкополой шляпе, как в старые добрые времена в Хайклере, куда ее, впрочем, пару раз приглашали на Рождество. И высшим шиком была поездка во Францию с «приемной семьей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.